

И. П. МЕДВЕДЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ МИСТРЕ

Данная статья представляет собою первую часть подготовленной автором работы, посвященной общественно-экономическим отношениям в Мистре. В этой части мы рассматриваем вопросы, связанные с ремеслом и торговлей в Мистре, поскольку для решения проблемы общественно-экономических отношений представляется необходимым в первую очередь коснуться ее функций как центра производства и обмена, т. е. тех атрибутов, без наличия которых, как известно, «город не считается городом»¹. В свою очередь от решения этого вопроса зависит выяснение уровня зрелости (в социальном и политическом смысле этого слова) тех слоев населения Мистры, которые по своей природе могли бы стать носителями антифеодальных тенденций, т. е. торгово-ремесленных слоев. Задача представляется чрезвычайно трудной, поскольку нет ни одного источника, в котором бы эти чисто городские, торгово-ремесленные элементы населения Мистры фигурировали в качестве самостоятельного единства. Это тем более поразительно, что с XIV в. и в Византийской империи начинается, по выражению Э. Кирстена, «эпоха привилегий», дающихся центральными властями торговцам и ремесленникам византийских городов². Так, в известном хрисовуле Андроника II городу Янине жители города (ἐποικιοτῆς Θεοσόπου πολῶς Ἰωαννίνων)³ прямо-таки противостоят императору как договорная сторона. Они освобождались от всякого рода налогов, не были обязаны нести военную службу вне города, принимать на постой войска, нести охрану. Торговцы освобождались от налогов на свои сделки по всей империи. Еврейское население ремесленников и торговцев, многочисленное в этом городе, пользовалось привилегиями наравне с другими жителями Янины. Город располагал своими юридическими учреждениями и коммунальной милицией⁴. Весьма показательна в этом отношении и серия актов (императорских хрисовулов и аргировулов деспотов Мистры), пожалованных городской общине Монемвасии, этого «византийского Гибралтара»⁵, в результате которых торгово-ремесленное

¹ М. Я. С ю з ю м о в. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — «Античная древность и средние века». Свердловск, 1965, стр. 6.

² E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, v. 3. München, 1958, S. 36

³ ММ, V, p. 81.

⁴ E. F r a n c è s. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et au XIVe siècles. — BS, XVI, 1, 1955, p. 91.

⁵ St. B i n o n. L'histoire et la légende de deux chrysobulles d'Andronic II en faveur de Monembasie. — EO, XXXVII, 1938, p. 306—307; ММ, V, p. 154—155, 171—175.

население Монеивасии получило значительные привилегии, особенно в области торговли. Пошлинные льготы, пожалованные купцам Монеивасии, ставят их, по крайней мере формально, в равное положение с привилегированными зарубежными торговцами. Особенно интересен акт от декабря 1442 г., по которому парики могли свободно устраиваться в Монеивасии, феодалы не могли больше требовать их возвращения⁶. Э. Кирстен полагает, что в данном случае был реализован принцип «городской воздух делает свободным»⁷. Правда, и по отношению к этим привилегированным городам свидетельства как о существовании купцов греческой национальности, так и о существовании ремесленников чрезвычайно скудны (за исключением, пожалуй, Фессалоники). Более того, льготы, по мнению Э. Кирстена, могли даваться из внешнеполитических и военных соображений и не обязательно должны были быть результатом особого социального развития или экономического значения города⁸. Однако Е. Франчес считает, что «в середине XIV в. создается основа реальной эмансипации» городов⁹. Нам кажется, что в данном случае прав Кирстен. Сам материал работы Франчеса свидетельствует против того радикализма, который заключается в его выводе. К тому же и сам он признает в другом месте своей работы, что «в целях консолидации своего господства Византия вынуждена была давать городам существенные уступки, разрешая им *виду политической конъюнктуры и географического положения* (курсив наш.— И. М.) освободиться... от византийской опеки»¹⁰.

В Мистре, разумеется, также существовало торгово-ремесленное население. Знаменитый философ Георгий Гемист Плифон в своей известной речи перед правителем Мистры Феодором II Палеологом, наряду с самым многочисленным и производящим классом земледельцев (τὸ αὐτοῦργικόν) и правящим классом (ἀρχικὸν φῶλον), выделяет в населении Мореи (думается, что в первую очередь имеется в виду Мистра, поскольку большая часть жизни Плифона связана именно с этим городом) специальный класс, к которому он относит ремесленников, купцов, лавочников и им подобных. Этот класс, по мнению Плифона, существует для обслуживания первых двух, а также всего прочего населения, причем разъясняется, что ремесленники обеспечивают людей теми предметами, в которых они нуждаются в своей повседневной жизни, купцы помогают каждой области выравнить несоответствие между излишками и недостатком предметов, а лавочники скупают у ремесленников или купцов вещи (ἀθρόα) и продают каждому, кто в них нуждается¹¹.

Пелопоннес располагает, как известно, значительными природными ископаемыми. В районе Мистры и Тайгета находятся богатейшие залежи железа, в частности бурого железняка¹². Особенно богатое месторождение железной руды находится у Порто Квалио (Porto Quaglio), местечка в южной оконечности Лаконии, близ мыса Тенар (ныне Матапан)¹³. В античное время лаконское железо пользовалось большим спросом. Добычей и обработкой его было занято много людей, а на рынке Спарты для изделий из железа было отведено определенное, самое лучшее место¹⁴. Разу-

⁶ MM, V, p. 172.

⁷ E. Kirsten. Op. cit., S. 42.

⁸ Ibid., S. 38.

⁹ E. Francès. Op. cit., p. 89.

¹⁰ Ibid., p. 90.

¹¹ Georgii Gemisti Plethonis ad principem Theodorum De rebus peloponnesiacis Oratio II.— PG, t. CLX, col. 849.

¹² E. Curtius. Peloponnesos, eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel, Bd. II. Gotha, 1852. S. 206.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem. Литературу о железорудных копях в Лаконии и искусстве обработки железа в древности см. у Сп. Ламброста: NE, t. 3, 1906, сел 45.4. Сведения античных авторов об этих месторождениях и других полезных ископаемых Лаконии собрал Курциус (E. Curtius. Op. cit., Bd. II, S. 308, Ann. 6).

меется, византийцы тоже знали об этих месторождениях. «Я слышал, что Пелопоннес и особенно окрестности самой Спарты полны железорудных копей (πλήρη μετάλλων σιδήρου)»¹⁵, — говорит в письме к деспоту Мистры Константину Палеологу кардинал Виссарион, которого С. Ламброс назвал «лучшим знатоком, ресурсов Пелопоннеса»¹⁶, и настоятельно рекомендует деспоту систематически эксплуатировать эти залежи, с тем чтобы избежать импорта железа из-за границы¹⁷.

Тем не менее приходится констатировать полное отсутствие добывающей промышленности в Мистре, поскольку нет никаких сведений о разработке копей в это время и нигде не обнаружено следов каких бы то ни было производственных комплексов по переработке добытого сырья^{17a}. И наоборот, источники говорят о систематическом ввозе железа из-за границы. Так, когда в 1388 году возник конфликт деспота Мистры Феодора I с Венецией по поводу Аргоса, венецианское правительство применило к нему экономические санкции, отказав в продаже железа из Корона и Модона для нужд Мореи¹⁸. Ввозилось железо и из Дубровника (Рагузы)¹⁹. Более того, даже Плифон, который ратовал за ликвидацию всякого импорта, утверждая, что страна не нуждается вообще в привозных товарах, делал исключение для железа и оружия (πλήν σιδήρου καὶ ὀπλῶν)²⁰.

Причиной такого положения в Мистре было отсутствие какого бы то ни было прогресса в технике, низкий уровень состояния производительных сил вообще, отсутствие умелых, знающих специалистов. Особенно чувствительной была нужда в тех ремеслах, которые были необходимы именно для развития горного дела и выплавки металлов (τῆς ὀργανικῆς καὶ μηχανικῆς καὶ σιδηροποικητικῆς по терминологии кардинала Виссариона). Живя в Италии, в которой, как известно, в это время совершалась великая техническая революция, но и не порывая связей с родиной, прекрасно зная условия жизни обеих стран, Виссарион остро чувствовал и понимал разницу в уровне их развития. Стремясь поощрить развитие горного дела в Мистре, он описывает различные механические устройства, применяющиеся в Италии для транспортировки грузов и дробления горных пород²¹. Интересен также отрывок из его письма, в котором говорится: «Бревна (в Италии. — И. М.) распиливаются автоматически, жернова крутятся с невозможной скоростью и стремительностью, кузнечные мехи при выплавке и разливке металлов, напрягаясь и расслабляясь, без всякой помощи рук отделяют металлы от имеющегося и выпадающего негодного вещества»²². Изготовление железа, по его мнению, «и столь полезно и столь необходимо людям, что без этого невозможно добиться успеха ни в военных, ни в мирных, ни в государственных делах»²³. В качест-

¹⁵ Ὑπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος εἰς Κωνσταντῖνον Παλαιολόγον. — NE, 3, 1906, σελ. 26. 13—14. В другом месте Виссарион наряду со Спартой указывает и Тайгер (ibid., σελ. 27. 4—5).

¹⁶ Ibid., σελ. 31.

¹⁷ Ibid., σελ. 26, 17—20.

^{17a} Ср. вывод С. Вриониса о континуитете горного дела в Византии вплоть до османского завоевания (S. V r i o n i s. The question of the Byzantine Mines — «Speculum», XXXVII, 1962, N 1, p. 17) и возражения А. П. Каждава (ВВ, XXV, 1964, 259—261).

¹⁸ D. Z a k y t h i n o s. Le despotat grec de Morée, t. I. Paris, 1932, p. 134.

¹⁹ М. А. А н д р е е в а. Торговый договор Византии и Дубровника и история его подготовки. — BS, VI, 1935—1936, стр. 115, прим. 13.

²⁰ G e o r g i i G e m i s t i P l e t h o n i s ad regem Emmanuelem De rebus Peloponnesiacis Oratio I. — PG, t. CLX, col. 837.

²¹ Ὑπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26. 4—5.

²² Εἶλα πρὶξονται αὐτομάτως, μύλωνες τάχιστα τε καὶ ὡς ἔνεστιν ἐξύτατα κινουῦνται, οἱ τε φουσητῆρες τῶν ἐν γωνείας καὶ διακρίσει (τῶν) μετάλλων ἀσχοὶ ἐντεινόμενοι τε καὶ ἀνέμενοι, μηδεμίαν χεῖρὸς ὑπουργούσης, τὰ μέταλλα τῆς ἐνοσίσης μοχθηρὰς τε καὶ ρεώσης διακρίνουσιν ὅλης (ibid., σελ. 26. 5—10).

²³ Ibid., σελ. 26. 10—13.

ве практической меры он советует деспоту Мистры, выбрав некоторых молодых людей, послать их в Италию для обучения необходимым ремеслам²⁴, добавляя, что такое практическое освоение этих ремесел позволит легко и в короткий срок изучить их²⁵. Из других видов промышленности, практиковавшихся в Италии, Виссарион упоминает изготовление стекла, производство шелковых и шерстяных тканей и окраску их²⁶. Действительно, как указывает Ламброс, стекольное дело процветало в Венеции, фабрики которой еще и в наше время вырабатывают художественные изделия, аналогичные тем, которые венецианские стеклодувы изготовляли в средние века, а предприятия шелковой и шерстяной промышленности экспортировали изготовленные ими ткани через порты Генуи, Анконы и Венеции в Анатолию и на Пелопоннес²⁷.

Лучше, кажется, обстояло дело в Мистре, как городе с широким размахом строительства, со строительными ремеслами и художественными промыслами. Активизация деятельности церкви выразилась в усиленном возведении многочисленных церквей и монастырей, но наряду с культовым зодчеством, которое всегда было ведущим в Византии, в Мистре в широких масштабах велось и гражданское строительство. Прекрасный строительный материал поставляли богатые леса Тайгета, которые восхваляются Иоанном Евгеником²⁸, и обилие превосходного мрамора в карьерах Лаконии, о чем говорится у Ла Гилетьера²⁹. Особенно была богата благородным камнем южная часть лаконской долины. На склонах отрогов Тайгета, окаймляющих с севера долину Гелоса, находились знаменитые порфировые каменоломни Левецовы (Levetzova), светло-зеленый камень которых когда-то относился к самым изысканным украшениям римских зданий³⁰. Еще более распространенным в античности был тенарский мрамор, который римляне добывали для своих колоннад³¹. В византийское время эти сокровища послужили и грекам. На протяжении сравнительно небольшого периода были возведены тысячи построек³², многие из которых являются уникальными произведениями поздневизантийской архитектуры и искусства³³. Все это заставляет предполагать в Мистре наличие значительного числа ремесленников строительных профессий, как высококвалифицированных мастеров, архитекторов и художников, так и тех, которые, по словам Плифона, живут продажей своей рабочей силы³⁴.

²⁴ ...τινας ἐκλεξάμενος νέους εἰς Ἰταλίαν πέμψαι, τῶν τεχνῶν μαθητρομένους τὰς ἀναγκὰς (ibid., σελ. 25, 33, 26.1).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibid., σελ. 26. 30—33.

²⁷ Ibid., σελ. 48.

²⁸ Sp. Lambros. Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά, Α. Ἀθήνησιν, 1912, σελ. 50—51.

Кардинал Виссарион также говорит об изобилии и хорошем качестве строительного материала, поставляемого лесами Пелопоннеса: «πλείστην ἐν Πελοποννήσῳ καὶ καλλίστην εἴχετε ὕλην» (Ὑπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26).

²⁹ La Guilletière. Lacedemone ancienne et nouvelle. Paris, 1676, p. 398—399.

³⁰ E. Curtius. Op. cit., S. 206, und Taf. IX.

³¹ Ibidem.

³² Нынешние руины Мистры, насчитывающие около двух тысяч построек (M. Sotiriou. Mistra. Une ville byzantine morte. Athènes, 1935, p. 6), содержат и более поздние постройки времени турецкого господства, но особой перестройке или достройке город не подвергался (см. Ф. И. Шмит. Памятники Мистры. — ЖМНП, 1911, май, стр. 253). Более того, половина зданий вообще, по-видимому, не дошла до наших дней. Во всяком случае, Ла Гилетьер писал что «в Мистре насчитывают около 2000 населенных домов и столько же в Мезохорионе» (La Guilletière. Op. cit., p. 420).

³³ См. G. Millel. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910; A. Orlandos. Τὰ πλεῖστα καὶ τὰ σπῖτα τοῦ Μιστρά.— Ἐ' Ἀρχεῖον Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», III, 1937, σελ. 3—114; M. Sotiriou. Op. cit.; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 231—234, 370—372 и др.

³⁴ «Εἰσὶ δ' καὶ τὴν τοῦ σώματος ῥώμην μισθοῦμενοι, διακονοῦντες ἄλλοτε ἄλλοις, διαζῶσιν» (Georgii Gemisti Plethonis... Oratio II. col. 849).

Ничего не известно об организации труда этих ремесленников и мастеров. Во всяком случае, по нашему мнению, можно быть почти уверенным в отсутствии цеховой, корпоративной организации в Мистре, поскольку исчезновение в Византии корпораций в это время, т. е. как раз в эпоху, когда в городах Запада все более и более укрепляется идея организации ремесленников и торговцев по корпорациям, констатируется повсеместно³⁵. За два века (XIII и XIV) встречается буквально несколько единичных случаев упоминания корпораций, относящихся к тому же исключительно к такому крупному городу-эмпорию, каким была Фессалоника. В частности, упоминаются цехи мироваров (τῶν πορρῆσων) и строителей домов (τῶν οἰκοδόμων)³⁶. Реальнее, на наш взгляд, предположить организацию в Мистре ремесленников и строительных рабочих по артелям, что, насколько нам известно, было весьма распространенным явлением в Византии. В пользу этой точки зрения говорит текучесть кадров ремесленников, особенно высококвалифицированных профессий. Так, известно, что часть фрескистов церкви Теотокос Одигитрии монастыря Вронтохион, если не все, приходили из Константинополя³⁷. Вероятно, немало мастеров появлялось и с Запада, особенно из Италии, чему способствовала активная матримониальная политика деспотов Мистры³⁸. Это любопытное соединение работы мастеров разных школ, стилей и направлений, в архитектуре и настенной живописи может, на наш взгляд, в какой-то мере объяснить тот «гибридный» характер памятников Мистры, который так удивляет исследователей³⁹.

Традиционным было занятие населения Мистры, как, впрочем, и всего Пелопоннеса, текстильным ремеслом. Плифон говорит, что страна изобиловала шерстью, льном, виссоном и хлопком⁴⁰. Тутовые деревья, покрывающие всю Лаконскую долину⁴¹, особенно способствовали развитию шелководства, центром которого в Мистре были кварталы с еврейским населением. Хорошие торговцы и ремесленники, евреи издавна образовали в Византийской империи множество важных колоний⁴². Наряду с другими еврейскими колониями Пелопоннеса (в Патрах, Коринфе)⁴³, процветала и колония в Спарте, первое упоминание о которой встречается в «Житии» известного церковного деятеля X века Николая Метаноита⁴⁴. Евреи Спарты занимались работами, относящимися к изготовлению тканей. Под предлогом спасения Спарты от свирепствовавшей в это время эпидемии чумы проповедник предложил спартиатам изгнать этих «нечестивцев» из их города⁴⁵. Позднее, когда Мистра стала административным цент-

³⁵ E. F r a n c è s. La disparition des corporations byzantines. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines». t. II. Beograd, 1964, p. 94.

³⁶ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948, N 111, S. 303, N 112, S. 306; ср. Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 274.

³⁷ Ch. D e l v o y e. Considérations sur l'emploi des tribunes dans l'église de la vierge Hodigitria de Mistra. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. III. Beograd, 1964, p. 46.

³⁸ V. L a u r e n t. Un argyrobulle inédit du despote de Morée Théodore Paléologue en faveur de Mastino de Cattanei, gentilhomme toscan. — REB, XXI, 1963, p. 208.

³⁹ D. C. H e s s e l i n g. Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 370.

⁴⁰ G e o r g i i G e m i s t i P l e t h o n i s..., Oratio I, col. 837.

⁴¹ Рихард Хаушильд полагает, что само название «Морея», утвердившееся в средние века за Пелопоннесом, связано с греческим словом μῦρον («шелковица»), μορέα («тутовое дерево»), πορρῶν («тутовый сад» или «тутовая страна») и является показателем высокого развития шелковой промышленности в средние века на Пелопоннесе (см. R. H a u s c h i l d. Mistra — die Faustburg Goethes. Berlin, 1963, S. 11, Anm. 2).

⁴² См. литературу: J o s h u a S t a r r. The Jews in the Byzantine Empire 641—1204. Athen, 1939; A. A n d r é a d è s. Οι Έβραίοι ἐν τῷ Βυζαντινῷ Κράτει, — «Ἔργα», I. Athènes, 1938.

⁴³ A. A n d r é a d è s. Op. cit., σελ. 612.

⁴⁴ Ο βίος Νικωνοῦ τοῦ Μετανοεῖτε. — NE, 3, 1906, σελ. 162—166.

⁴⁵ Ibid., σελ. 163.

ром византийской Морей, там образовалась новая колония. Как и в остальной империи, еврейское население Мистры подвергалось сегрегации, имея резиденцией кварталы, расположенные за городскими стенами, в районе так называемого экзохориона или внешнего города ⁴⁶. Ла Гилетьер называет этот район «Новой Иудеей» и сообщает, что в нем насчитывалось около 1000 домов, почти полностью населенных евреями, которые имели там синагогу ⁴⁷. По-видимому, именно к этим кварталам и относится название 'Εβραϊκή, сообщаемое Сфрандзи ⁴⁸, которое Закифинос, пользующийся старым боннским изданием его «Хроники», идентифицировал с известным местечком Τρίπη ⁴⁹ и сделал на этом основании вывод, что последнее служило для евреев Мистры убежищем ⁵⁰.

Занимаясь, как уже было сказано, главным образом производством шелка, ремесленники Мистры реализовали результаты своего труда как на рынках Корона и Модона, посещая эти венецианские владения ⁵¹, так и на рынке самой Мистры. Так, в постановлении венецианского сената от 19 июня 1430 г. говорится, судя по регестам Ф. Тирье, что в течение нескольких лет венецианские купцы отправляются в Мистру и в другие города Морейского государства, чтобы продавать там сукна и покупать шелк и кошениль (грану) ⁵². В этом же году сенат, стремясь оказать давление на деспота Мистры Феодора II Палеолога, с которым Венеция находилась в споре по поводу церковной юрисдикции латинского архиепископа Патр, запретил венецианцам Пелопоннеса покупку в Мистре шелка ⁵³. С. Ламброс полагает, что запрещение длилось до 1445 г., когда, в результате новых соглашений, была восстановлена свобода вывоза ⁵⁴. Известно, что после очередного конфликта венецианское правительство 12 сентября 1450 г. разрешило деспоту Мистры послать шелк в Венецию, не уплатив пошлины ⁵⁵.

Однако, несмотря на эту торговлю шелком, приходится снова констатировать серьезный упадок текстильного ремесла, которое, по мнению Закифиноса, не превышало рамок домашнего производства (*les limites de l'artisanat domestique*) ⁵⁶. Любопытно, что еще в первой половине XIX в., когда в Спарте стали появляться первые предприятия по разведению шелковичных червей и прядению шелка, каждый житель имел привычку разводить шелковичных червей у себя дома ⁵⁷. По свидетельству Бюшона, женщины выводили яйца коконов, вынашивая их на своей груди ⁵⁸.

Причиной такого плачевного состояния как шелководства, так и вообще текстильной промышленности в византийской Мистре был все усилившийся импорт иностранных товаров, представлявших собой по преимуществу готовые мануфактурные изделия. Ткани, сукна и одежды итальянского производства наводняли города и деревни византийской

⁴⁶ D. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, t. II. Athènes, 1953, p. 43; P. Tivčev. *Sur les cités byzantines aux XIe — XIIe siècles.* — «Byzantinobulgaria», I. Sofia, 1962, p. 158.

⁴⁷ La Guilletière. *Op. cit.*, II, p. 423.

⁴⁸ Georgios Sphrantzes. *Memorii 1401—1477*, ed. V. Grecu. București, 1966, p. 68 (XXXVII, 1); Cf. Pseudo-Phrantzes, p. 342.

⁴⁹ E. Curtius. *Op. cit.*, II, S. 160, 245 und Taf. IX.

⁵⁰ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 43. Он сообщает, ссылаясь на работу Н. А. Вейса (N. A. Veas. *Οι Έβραίοι τής Λακεδαίμονιας καὶ τοῦ Μυστρά. Νομάς*, III, 1905, N 166, 10), к сожалению нам недоступную, что в Лаконии до сих пор сохранились надписи на еврейском языке.

⁵¹ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 43.

⁵² F. Thiriet. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*, t. II. Paris, 1959, p. 275, N 2202.

⁵³ Sp. Lambros. in: NE, 3, 1906, σελ. 46.

⁵⁴ *Ibid.*, σελ. 47.

⁵⁵ Thiriet. *Régestes...*, t. III. Paris, 1961, N 2835.

⁵⁶ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 252.

⁵⁷ J. A. Buchon. *La Grèce continentale et la Morée*. Paris, 1843, 425.

⁵⁸ *Ibidem*.

Мореи⁵⁹. Знать предпочитала иностранные одежды, о чем с негодованием сообщает Плифон⁶⁰. Разумеется, эта конкуренция была совершенно не по силам ремесленникам-мистраитам, которые в лучшем случае могли противопоставить готовым изделиям итальянских мануфактур метаксу, необработанный шелк-сырец. Видимо, традиции былого высокого мастерства обработки шелка, изготовления тканей и окраски были совершенно утрачены, поскольку Виссарион среди ремесел, которым должны были обучаться в Италии молодые люди, посланные из Мистры, упоминает и изготовление шелковых и шерстяных одежд, и окраску их⁶¹.

Что касается значения Мистры как торгового центра, то нужно отметить, что здесь проявлялось действие целого комплекса как положительных, так и отрицательных условий. В географическом отношении с точки зрения обмена Мистра была расположена крайне невыгодно. Город находился в котловине, на $\frac{9}{10}$ окруженной горами, и не имел выхода к морю⁶². Замкнутый характер Лаконии давал себя знать всегда. Как в античное время Спарта не была городом даже в тогдашнем смысле этого слова, т. е. городом-полисом, и по типу поселения напоминала деревню, так и в наши дни она представляет собою довольно захолустный городок с небольшим числом жителей, лишенный даже железнодорожного сообщения с внешним миром⁶³.

В последние века византийской истории положение было значительно лучше, поскольку, «по причине своего географического положения и внешнеполитических условий, которые превалировали в восточном бассейне Средиземного моря начиная с XI в., Морея стала важным центром экономических связей»⁶⁴. Д. Закифинос полагает, что эту функцию она сохранила вплоть до того времени, «когда оттоманское господство и недостаток золота (*carence de l'or*) изменили ориентацию мировой торговли»⁶⁵.

Превращению Мистры в торговый центр способствовали два факта: ее положение как административного центра византийской Мореи, что обеспечивало приток купцов и товаров как из-за границы, так и из других мест Пелопоннеса, и близость двух важнейших портов Венеции в Пелопоннесе — Корона и Модона, являвшихся превосходными станциями для венецианских судов на их пути на Восток и представлявших собою, по выражению официального документа, два «главных глаза коммуны» (*oculi capitales communis*)⁶⁶. Последнее обстоятельство было особенно важно для Мистры, поскольку непосредственно вовлекало ее в сферу влияния венецианцев.

Организация обмена была довольно примитивной. Используя, по всей вероятности, кратчайший и единственно возможный со стороны Модона путь, а именно: на судах до Каламаты — порта на северном побережье Мессенского залива, — затем по горным тропам рассекающего Тайгет ущелья Лангады на лошадях, или, скорее, мулах, как это делают современные агогиты Мистры и Трипи при перевозке через ущелье вина, масла и шелкового кокона⁶⁷, венецианские купцы приезжали в Мистру, привозя с собой звонкую монету и товары, по преимуществу, как было вы-

⁵⁹ D. Zakythinos. Op. cit., II, p. 252.

⁶⁰ «Τῶν γὰρ ξενικῶν τούτων ἐσθῆτων πολλὴ ἀλογία καὶ δεῖσθαι» (Georgii Gemisti Plethonis... Oratio I, col. 837).

⁶¹ «...ἡ τῶν σιρικῶν, ἡ τῶν ἐξ ἐρίου ποίησις ἱματίων καὶ προσέτι ἡ τούτων ἀμειώρων βραχί» («Υπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26).

⁶² R. Hauschild. Op. cit., S. 4.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 253.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 466.

⁶⁷ K. Baedeker. Grichenland. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1904, S. 368.

ше сказано, готовые мануфактурные изделия⁶⁸. Закупали они там в основном продукты сельскохозяйственного производства: хлеб, хлопок, мед, изюм (*uva passa*), но особенно — шелк-сырец и кошениль или грану — естественный краситель, изготавливаемый из высушенных и растертых самок червецов и окрашивающий ткань в пурпурный цвет. Нам известен один такой венецианский купец — Марино Виадро, — который имел право покупать в Мистре хлеб и *vallania*, плоды некоторых дикорастущих деревьев типа дуба, применяющиеся при дублении кож⁶⁹. Обмен производился, по всей вероятности, во время ярмарок (*πανηγύρεις*) и особенно во время крупных ежегодных ярмарок (*ἐν ταῖς κατ'ἔτος γινόμεναις πανηγύρεσι*), о которых упоминается в хрисовуле Андроника III и в аргировуле деспота Мистры Феодора Палеолога в пользу Монемавасии⁷⁰. Правда, имеются в виду ярмарки, происходившие в разных городах и крепостях Пелопоннеса, но думается, что Мистра не составляла исключения. В центре города находилась просторная площадь, единственная в городе и его предместьях. Орландос полагает, что она, согласно господствующим средневековым обычаям, использовалась преимущественно для практических целей: здесь происходили народные собрания, празднества и ярмарки⁷¹. Там же находился и рынок, о чем ясно свидетельствует использование площади в этом смысле не только при турецком господстве (*Воюк базар*), но и византийское название *φόρος* (от латинского *forum*)⁷².

Необходимо заметить, что, стремясь сосредоточить всю инициативу торговли с Мистрой в своих руках, венецианское правительство запрещало своим подданным ездить в Мистру и торговать там, поскольку «для национальной экономики это чрезвычайно убыточно и лучше, если греческие купцы будут прибывать для торговли в Корон и Модон»⁷³. Это постановление было принято 19 июня 1430 г., но известно и более раннее постановление сената (от 21 марта 1392 г.), в котором тоже говорится, что греческие подданные деспота Мистры могут приезжать в Корон и Модон и продавать свои продукты, но венецианцы должны воздерживаться от посещения портов Мореи, чтобы вся торговля сосредоточивалась в этих двух венецианских местах⁷⁴. Правда, неоднократные постановления сената показывают, что осуществить в полном объеме эти намерения Венеции не удавалось, но обратное движение купцов и товаров действительно имело место. Так, 12 сентября 1450 г. сенат ответил Афанасию Ласкарису, послу деспота Мистры Димитрия Палеолога, что если деспот заставит возвратить венецианским подданным имущество, которое его подданные похитили, Венеция вернет купцам Мистры все то, что у них было конфисковано⁷⁵ (по всей вероятности, во время их пребывания в Короне и Модоне). Источник, судя по регестам Ф. Тирье, не упоминает, какой национальности были эти «купцы Мистры», но думается, что евреи занимали среди них самое значительное место. Во всяком случае, применительно к XVII в. Ла Гилетьер сообщает, что «вся торговля Мизитры проходит через руки евреев», добавляя, что они «являются самыми большими ростовщиками в мире»⁷⁶.

⁶⁸ C. S a t h a s. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge, t. III. Paris, 1882, pp. 380—381; F. T h i r i e t. Régestes..., t. I, N 778, t. II, N 2202, t. III, N. 2835. Среди разнообразных продуктов сельскохозяйственного производства и текстильного ремесла, проходивших через Корон и Модон, о которых упоминает флорентийский купец Франческо Бальдуччи Пеголотти, известную долю, очевидно, должны были также составлять товары Мистры (см. F. B a l d u c c i P e g o l o t t i. La Pratica della Mercatura, ed. A. Evans. Cambridge, Mass., 1936, p. 145.).

⁶⁹ F. T h i r i e t. Régestes..., t. I, p. 52, N 156.

⁷⁰ MM, V, p. 167, 171.

⁷¹ A. O r l a n d o s. Τὰ πάλαια καὶ τὰ σπύκια τοῦ Μοστρά, σελ. 9—10.

⁷² Ibidem.; ср. La G u i l l e t i è r e. Op. cit., p. 391.

⁷³ F. T h i r i e t. Régestes..., t. II, N 2202.

⁷⁴ Ibid., t. I, N 812.

⁷⁵ Ibid., t. III, N 2835.

⁷⁶ La G u i l l e t i è r e. Op. cit., p. 492.

Епископальный акт 1330 г. упоминает о ростовщической сделке между занимающим митрополичий престол Лакедемонии Григорием Вутасом и двумя братьями-чаусиями ⁷⁷ Элададами ⁷⁸. Судя по фамилии, последние были евреями.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляют сообщения документа от 12 августа 1449 г. о греческих имуществах, находящихся в Короне, из которых коронцы требовали возместить убытки, причиненные им чиновниками деспота Мистры ⁷⁹, и упоминание другого документа (от 12 сентября 1450 г.) о находящихся там же золотых сокровищах (*des bijoux en or* — регесты Тирье), принадлежащих протостратору Эвдемониану, которые ему оставил некий Лука из Вероны ⁸⁰. Очевидно, в Короне существовал какой-то филиал венецианского банка, в который греки Мистры вкладывали свое состояние.

Таким образом, близость Корона и Модона давала возможность осуществления непосредственных торговых контактов Мистры с венецианской республикой, втягивала ее в орбиту коммерческо-предпринимательской деятельности последней и тем самым стимулировала в какой-то степени развитие товарно-денежных отношений в Мистре. Однако отрицательное действие географического фактора все же сказывалось, особенно в сравнении с другими местами византийской Мореи. Известно, какую большую роль на местном рынке, охватывавшем все побережье Адриатического моря и втягивавшем в сферу своего влияния и Балканский и Апеннинский полуострова ⁸¹, играли Кларенца и Патры. Главными предметами этого адриатического рынка были хлеб и соль. В этом смысле соляные копи Арголиды, в частности Термосиона, Кйвериона и Кастри, а также соляные копи Патр ⁸² резко повышали значение вышеназванных пунктов.

Северные области полуострова были богаты также и хлебом. Так, отмеченное Кириаком Анконским обилие вспаханных полей, по мнению М. А. Андреевой, следует искать не на юге, в Лакедемонии и Мессении, а на севере, в землях, прилегающих к Патрасскому заливу ⁸³. Настоящими носителями торговли были Коринф с его знаменитым изюмом (*uve Soranto*) ⁸⁴, кошенилем (путешественник Симон Сиголи, который посетил Коринф в сентябре 1384 г., сообщает, что в этом городе рождалась «самая лучшая в мире ярко-красная грана» — *grana di tignere scarlati*) ⁸⁵, камедью и адрагантом, а на юго-востоке полуострова — Монемвасия с ее не менее знаменитым вином. Франческо Бальдуччи Пеголотти сообщает, что в 1335 г. вино Монемвасии продавалось в Тане, генуэзской колонии на Черном море ⁸⁶.

Источники буквально пестрят упоминаниями названных пунктов как важных центров обмена. Экономическая политика деспотов Мистры была направлена как раз на то, чтобы активизировать торговую деятельность именно в этих местах. Они заключают торговые договоры с Рагузой, Флоренцией, приглашают купцов этих республик чаще посещать Патры, Кларенцу, другие места Пелопоннеса, жалуют им значительные

⁷⁷ Об этом звании см. D. A. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 92.

⁷⁸ ἄτερ (речь идет об имуществе Митрополии. — И. М.) ἔδοξεν ὁ πρῶτος χρηματίας λακεδαίμονιας βουτᾶς ἐκεῖνος πρὸς τοὺς δύο ἀδελφούς τλαουσίους τοὺς ἐλαδᾶδας (G. M i l l e t. Les inscriptions byzantines de Mistra. — BCH, XXIII, 1899, p. 123.

⁷⁹ F. T h i r i e t. Régestes..., t. III, N 2810.

⁸⁰ Ibid., № 2835.

⁸¹ М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 110—111.

⁸² D. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 250.

⁸³ М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 115.

⁸⁴ F. B a l d u c c i P e g o l o t t i. La Pratica della Mercatura, p. 157.

⁸⁵ Viaggio al Monte Sinai di Somone Sigoli. Milan, 1841, p. 75; ср. D. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 247.

⁸⁶ F. B a l d u c c i P e g o l o t t i, p. 24.

пошлинные льготы⁸⁷, но ни разу среди подробного перечисления пунктов не упоминается Мистра. Нет ни одного торгового договора или какого-либо другого соглашения, объектом которого была бы Мистра. Она была изолирована от международного рынка и вынуждена была ограничивать свою в общем-то довольно пассивную и скромную торговлю общением с вышеупомянутыми венецианскими пунктами. Особенно затруднительным становилось положение Мистры во время политических неурядиц между деспотами и республикой. Так, острый кризис в греко-венецианских экономических связях наступил с 1428 г. в связи с победоносными кампаниями Константина Палеолога на севере полуострова и в континентальной Греции, непосредственно задевавшими интересы республики. 19 июня 1430 г. сенат постановил, чтобы все товары (в частности, шелк и грана), которые из Мистры импортировались в Корон и Модон, были обложены огромной по тому времени пошлиной в 10%, в то время как на товары, экспортируемые в Мистру, пошлина составляла только 3%⁸⁸. Интересно, что, восхваляя в уже известном нам письме успех деспота Константина Палеолога, восстановившего стену на Коринфском перешейке, кардинал Виссарион упоминает о том, что у Константина было намерение основать город на Истме⁸⁹. С. Ламброс полагает, что в данном случае речь идет не только о попытке создать какой-то своего рода наблюдательный пункт (*ἡ ἐπιχειρήσῃ τὸ σκοπηθῆν*), но и о перенесении в этот город столицы из Мистры, «ради более надежной защиты Пелопоннеса, подвергавшегося опасности со стороны турок»⁹⁰. Нам такое объяснение кажется малоубедительным, поскольку именно в военном отношении местоположение Мистры было исключительно благоприятным, что не раз спасало страну и ее столицу. Если у Константина Палеолога действительно было намерение перенести столицу из Мистры на север (а это представляется весьма возможным, если вспомнить, что одно время он передал управление Мистрой Сфрандзи, а сам отправился на север полуострова)⁹¹, то причиной этого могло быть стремление освободиться от опеки Венеции и дать выход новой столице к международному рынку, хотя бы ценой соглашения с другими итальянскими республиками или Рагузой, т. е. с партнерами, пользуясь выражением М. А. Андреевой, «не столь опасными в смысле политическом, но достаточно оборотливыми и могущими обслужить и свой, и греческий рынок»⁹².

Итак, рассмотренный нами материал показывает, что функция Мистры как центра производства и обмена была чрезвычайно скромной. Тот факт, что основными предметами массового товарного обращения, с которыми купцы Мистры появлялись на рынке в качестве продавцов, были не изделия городского производства (ибо удельный вес продукции текстильного производства все же был весьма невелик), но продукты сельского хозяйства, свидетельствует о том, что именно последнее составляло основу экономики города, т. е. подтверждается вывод, сделанный исследователями в отношении всего Пелопоннеса⁹³. Действительно, как путешественники XV в. почти все свидетельствуют о процветании земледельческих культур⁹⁴,

⁸⁷ D. A. Zakythinos. Op. cit., I, p. 275—284; t. II, p. 260—262; М. А. Андреева. Указ. соч.; B. Krekić. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. Paris, 1961, p. 374, N 1226.

⁸⁸ F. Thiriet. Régestes..., t. II, N 2202; C. Sathas. Documents inédits, p. 380—381; cp. D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 259—260.

⁸⁹ «...μη μέχρι δὲ τούτου διανοηθεῖς στήναι, ἀλλὰ προσέτι καὶ πόλιν ἐκείσε ἰδρύσασθαι, ἔτι μᾶλλον ἄξια θαύματος ἐλογίσω». (Ἐπίμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 16).

⁹⁰ Sp. Lambros, in: NE, 3, σελ. 29.

⁹¹ Sphrantzes, 68—69 (XXVII, 2—4), cf. Pseudo-Phrantzes, p. 342.

⁹² М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 117.

⁹³ D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 245; P. Lemerle. Une province byzantine: Le Péloponnèse. — Byz., XXI, 1951, p. 352.

⁹⁴ I bid., p. 350.

так и Плифон сообщает, что «львиная доля пелопоннесцев (τὸν πόλιν λέων) занимается сельским хозяйством, а некоторые — скотоводством, добывая себе этим средства к существованию»⁹⁵.

Но такая функция сельского хозяйства как основы экономики города предполагает наличие тесной связи между сельскохозяйственной периферией и городским хозяйством, благодаря чему вся масса натурально-хозяйственного продукта «кумулируется в городе и превращается в товар»⁹⁶. Рассмотрению этих вопросов и посвящена вторая часть нашей работы, выходящая за рамки данной статьи.

---

⁹⁵ Georgii Gemisti Plethonis.... Oratio I, col. 825.

⁹⁶ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 6—7. Вопросу об экономических связях византийского города с подгородным районом посвящена другая очень важная работа М. Я. Сюзюмова (Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 55—81).